

Городские топонимы как языковые маркеры «своего» пространства

Н а т а л и я В А С И Л Ь Е В А

Институт языкознания Российской Академии наук

Ключевые слова: *ономастика, урбаноним, вернакулярный район, неофициальные топонимы.*

Изучением городских топонимов, к которым относятся названия улиц, переулков, площадей, остановок транспорта, отдельных зданий и других значимых внутригородских топографических объектов, традиционно занимается ономастика – лингвистическая наука о собственных именах. Для таких городских названий в метаязыке ономастики существует специальный интернациональный термин – **урбаноним** (от лат. *urbanus* [городской] + *оним* [собственное имя]), а также термин **урбанонимия** для обозначения совокупности таких наименований.¹ В русском научном языке эти термины начали функционировать достаточно давно – с 70-х гг. прошлого века (Р а з у м о в, Г о р я е в 2019). Однако по-настоящему частотным и популярным урбаноним стал с начала 2000-х, когда из узкой ономастической ниши он вышел на широкие просторы культурологии. Росту популярности термина *урбаноним* способствовал заметно выросший в последние десятилетия научный интерес к городу как социокультурному и ментальному феномену. Таким образом, родившийся в недрах ономастики термин хорошо вписался в концептуальный аппарат урбанистики в целом. Этим терминологическим замечанием мы хотели бы предварить последующее обсуждение одного из типов внутригородских названий.

Хорошо известно, что в каждом городе, помимо официальных названий улиц и других объектов городского пространства, существуют названия, распространённые исключительно в устной речи горожан. В настоящее время можно говорить об этом явлении как о своего рода ономастической универсалии. Лингвисты для таких названий используют термин **неофициальный топоним**, ср. нем. *inoffizielle Ortsnamen* (S i e g f r i e d 2017). Интерес к неофициальным топонимам в настоящее время наблюдается у ученых совсем

¹ В рамках данной статьи термины *урбаноним*, *урбанонимия* и *(внутри)городской топоним*, *(внутри)городская топонимия* употребляются как синонимы.

из другой области – культурной и гуманитарной географии. Представители этого направления пишут о феномене городского вернакулярного района как форме пространственной самоорганизации (ср. П а в л ю к 2017 с библиографией). Анализ публикаций показывает, что исследователи-ономатологи и исследователи-географы, занимаясь по существу одним объектом, работают автономно. Бесспорно, это связано с методологией каждой из наук. Тем не менее, представляется возможным (и даже плодотворным) соединить два этих подхода – собственно лингвистический и культурно-географический – и рассмотреть неофициальные городские топонимы, используя в качестве интегрирующего параметра оппозицию «свой – чужой». Это и является целью данной статьи.

Оппозиция «свой – чужой» представляет собой культурную константу, и свидетельства о ней содержатся в самых разнообразных явлениях действительности, которые находят отражение в языке. В лингвистических исследованиях, а это, как правило, этно-, социо- или психолингвистические работы, аспект рассмотрения и содержание оппозиции «свой – чужой» уточняется на конкретном эмпирическом материале. Например, так построена коллективная монография *Свое – чужое в языке и речи* (К ю л ь м о я 2016).² Топонимический материал, который мы рассматриваем, связан с оппозицией «свой – чужой» самым непосредственным образом; и прежде чем описывать топоним как языковой знак в «своем» городском пространстве, полезно, на наш взгляд, обратиться к одному из понятий культурной географии, которое представители ономастической науки пока еще не включили в свой рабочий инструментарий.

Это понятие вернакулярного района (англ. *Vernacular* – народный, местный). **Вернакулярный район** – «тип географического района, бытующий в обыденном сознании общества или его части в виде образа определенной территории, обладающей названием и специфическими качествами. Лишь в редких случаях границы вернакулярного района совпадают с административными, потому что вернакулярный район, как правило, складывается стихийно в ходе культурной истории общества» (С м и р н я г и н 2013, 35). В типологии районов, разработанной для культурной (гуманитарной) географии, вернакулярные районы, наряду с районами мифологическими (ср. *Беловодье* у русских старообрядцев), составляют категорию **ментальных районов**, в противоположность районам реальным (К а л у ц к о в 2013). Существовая в общественном сознании, вернакулярные районы наполнены для человека не

² Разнообразии аспектов, в которых выступает оппозиция «свой – чужой», можно продемонстрировать также терминологически, а именно: какой английский эквивалент выбирает автор для этого русского сочетания, которое стало по существу формулой? В просмотренном нами материале (английские аннотации к различным статьям на русском языке) обнаружили по крайней мере семь таких парных эквивалентов: 1) *friend – foe*, 2) *own – alien*, 3) *own – strange*, 4) *self – non-self*, 5) *in-group – out-group*, 6) *insider – outsider*, 7) *us – them*.

только территориальным, но и социальным смыслом: «это территория, до которой ему есть дело» (П а в л ю к 2017, 33). Первоначально в качестве вернакулярных исследователями рассматривались большие районы, например, *Русский Север*. Затем внимание географов переместилось на меньшие места, в том числе и на города. Как и названия больших вернакулярных районов, названия вернакулярных городских мест соотнесены с понятием **ментальных карт**. «Выделять и описывать такие районы принято при помощи ментальных карт, отличительная черта которых – наличие собственной локальной топонимии, понятной только местным жителям и иногда их непосредственным соседям» (П а в л ю к 2017, 33). Идентичность ментальной карты является условием «своего» сообщества, а правильное употребление и понимание (идентификация) топонима – языковым критерием прохождения теста на «свой – чужой». Лингвистический подход к неофициальным топонимам отличается от культурно-географического бóльшим вниманием к словообразовательным и семантическим процессам, сопровождающим возникновение неофициального топонима.

Одним из первых вопросов, возникающих у исследователей подобных наименований, является вопрос о категоризации объектов номинации. Какие объекты в городе способны получать – и в итоге получают – неофициальные имена? Параметрами таких объектов должна быть их включенность в повседневную жизнь и их выделенность в локальном городском пространстве. Они служат **ориентирами**, с помощью которых житель определенной территории, как пишет Семен Павлюк со ссылкой на работы одного из основоположников гуманитарной географии и автора концепции топофилии И-Фу Туана, превращает пространство в **место** (топос), «наполняя его смыслом» (П а в л ю к 2017, 34). Такими объектами, значимыми для городской повседневности, являются магазины, торговые центры и предприятия обслуживания; дома, группы домов; памятники; дворы, детские площадки; линейные объекты и площади; станции метро; районы и микрорайоны города. Такие объекты получают неофициальные названия, которые являются по сути названиями «для своих». Их употребление в речи сродни паролю, знаку «я свой». Незнающий номинации-пароля легко может быть опознан как неместный, «чужой» и соответственно стигматизирован.

Для корректной интерпретации локального топонима необходимо знание местных особенностей, как топографических, так и связанных с историей места. Приведу примеры локальной топонимии города Жуковского, которую я наблюдаю и собираю уже много лет (V a s i l ' e v a 2012). Из названий магазинов (до появления супермаркетов): *Средний* (находился между двумя другими); *Ни рыба, ни мясо* (название появилось в период дефицита продуктовых товаров). Названия кварталов, микрорайонов и домов: *Три сестры* – группа из трех одинаковых домов; *За Родиной* – квартал за кинотеатром «Родина», *Живые и мертвые* – район города, построенный недалеко

от кладбища, *За самолетом* – микрорайон, расположенный за установленным в качестве памятника самолетом. Приведенные примеры демонстрируют различные стратегии и тактики номинации – от прямой номинации, указывающей только на местоположение объекта, до образной, при которой включаются фоновые и культурные знания носителей языка. Можно говорить в этой связи о маркированности/немаркированности неофициальной номинации. Маркированность понимается в данном случае близко к тому, как она трактуется в стилистике, а именно: выделенность номинации в ряду категориально схожих (или выпадение ее из ряда схожих). Следует отметить, что понятие маркированности неофициального топонима неизбежно будет содержать субъективный компонент, связанный с различной способностью языковой личности к лингвистической рефлексии. В целом думается, что яркие примеры локальных топонимов могут привести жители любого города. Неслучайно поэтому темы, связанные с неофициальными топонимами, популярны в вузах в качестве тем дипломных и бакалаврских работ (ср. С о к о л о в а 2013).

Возвращаясь к маркированным формам, отметим такое явление, как семантико-грамматическую деформацию высказывания с участием топонима, приводящую к алогизму. Отдельно употребленное наименование может быть нейтральным. Например, *Алёша* – неофициальное название скульптуры «Металлург» в г. Орёл. *Алёшей* эту скульптуру жители города назвали из-за некогда популярной песни, в которой были слова «<...> *стоит над горю Алёша*»³. Наличие городских транспортных линий, проходящих мимо памятника, вызвало к жизни фразы такого типа: *остановите на Алёше, автобус идет через Алёшу*. Понятно, что местные жители употребляют эти высказывания автоматически, при этом ни у кого не возникает непонимания или сомнения в логичности фразы. Однако если попытаться осмыслить эти фразы с точки зрения не «своего», а «чужого», то преодолеть получившийся алогизм можно только «перекатегоризировав» *Алёшу* из артефакта (скульптура) в топос (место), ср. *остановиться на углу улицы, автобус идет через площадь*.

Другой пример высказывания-алогизма относится к московской локальной топонимии. Многие станции московского метро уже давно имеют параллельные неофициальные названия, особенно в молодежном сленге⁴, ср. станция метро *Багратионовская* → *Багры*, *Текстильщики* → *Текстиля*, *Площадь Ильича* → *Лошадь Ильича* и пр. Станция метро *Китай-город* до 1990 г. называлась *Площадь Ногина* в честь революционера В. П. Ногина, бюст которого в виде большой головы сохранился в одном из вестибюлей станции.

³ Нарративы об Алёше, скульптурной композиции «Металлург» в Орле, приведены на сайте Марии Костромичевой (доступ к сайту: <http://prosto-orel.ucoz.net/load/al-josha/aljosha/4-1-0-1>, см. 20.03.2018).

⁴ В настоящей статье мы не касаемся вопроса о соотношении терминов *неофициальный vs. сленговый топоним*. Одну из точек зрения см. в работе Terhi Ainiala (A i n i a l a 2010).

Это краткая преамбула к фразе *Встретимся на Ноге у Головы*, которую представители не самого молодого поколения понимают однозначно, несмотря на кажущийся конфликт соматизмов *нога* и *голова*. В настоящее время фраза *на Ноге у Головы* считается московским топографическим мемом, ср. объяснение блогера: *На человеческом языке место нашей встречи звучит примерно так: станция метро «Китай-город» Калужско-Рижской линии, первый вагон в центр, подняться по ступенькам, ждать в холле у бюста Ногина <...>. Если учесть, что на этой станции сходятся две ветки (попарно на каждом из двух перронов) и есть масса вариантов выхода, то «У Головы» – чрезвычайно точная привязка* (В о д о в о з о в 2009).

Остановимся далее очень кратко на вопросе о классификациях в сфере локальной топонимии. Для классификации важно основание – признак/параметр, по которому классификация производится. На двояком признаке «форма топонима + соотношение с официальным топонимом» построена классификация Инги Зигфрид (S i e g f r i e d 2017), которая представляется нам наиболее цельной. Исследователь выделяет неофициальные топонимы, которые являются 1) сокращениями от официальных, 2) подражательными формами (*Beverley Holz*, ср. *Beverley Hills*), 3) существующими параллельно с официальными, 4) существующими самостоятельно, т. е. независимо от официальных.

Более дробная классификация содержится в работе Татьяны Голиковой, выполненной на материале неофициальных названий улиц (годонимов) Москвы (Г о л и к о в а 2014). Получение объектом неофициального наименования исследователь рассматривает как процесс трансноминизации, т. е. переименования, и выделяет восемь моделей неофициальных переименований, обусловленных как историей места и внешним видом объекта, так и словесной формой, которую имеет официальный топоним и которая модифицируется в неофициальном названии (сокращается, метафоризируется и пр.).

Классификации, предлагаемые географами, отличаются наличием параметров частоты употребления топонима, среды распространения, ср. *широко распространенные, ограниченно распространенные и специализированные топонимы* в классификации Семена Павлюка (П а в л ю к 2017, 37), а также выделением и характеристикой социальных функций локальных топонимов, поскольку «локальный топоним – один из индикаторов перцепции пространства, формирования пространственной самоорганизации общества и чувства места» (Ibid., 41). Таким образом, классификации локальных топонимов, которые приводятся как в ономастических, так и в географических исследованиях, является взаимодополняющими и взаимокорректирующими – в лингвистической (для географов) и в географической (для лингвистов) частях.

В завершающей части статьи предлагается обратиться к особо «чувствительному» в отношении оппозиции «свой – чужой» номинативному классу. Это будут не собственно топонимы, а производные от топонимов названия

жителей данного города/места. Для таких названий в метаязыке ономастики существует интернациональный термин *катойконим*. С точки зрения словообразования, катойконимы представляют собой оттопонимические дериваты, созданные по суффиксальной модели. Названия жителей населенных пунктов в русском языке – явление достаточно специфическое, поскольку существует морфологическая возможность образования от топонима нескольких вариантов с различными суффиксами. *Москвич, нижегородец, рижанин* – это хорошо известные всем номинации, в нейтральном употреблении не имеющие вариантов. Однако существуют дублетные формы, из которых локальное сообщество выбирает только одну и считает ее «правильной», и эта четко прослеживаемая оппозиция «правильный – неправильный» является на самом деле реализацией оппозиции «свой – чужой». Употребление «неправильной» формы катойконима является конфликтогенным фактором во внутригородской коммуникации, сигнализирующим о «чужом». «Неправильными» формами, как показала Мария Ахметова, на исследования которой я в этом вопросе опираюсь⁵, отличаются московские журналисты, а также «приезжие пиарщики» (А х м е т о в а 2015, 25). Ср. примеры «правильных» для локального сообщества катойконимов и их «конфликтных» (употребляемых «чужими») вариантов (Ibid.):

Кемерово – *кемеровчане*, не **кемеровцы*,
 Вологда – *вологжане*, не **вологодцы*,
 Смоленск – *смоляне*, не **смоленцы*, не **смоляки*,
 Петрозаводск – *петрозаводчане*, не **петрозаводцы*,
 Иркутск – *иркутяне*, не **иркутчане*,
 Тамбов – *тамбовчане*, не **тамбовцы*,
 Тверь – *тверичане*, не **тверичи*, не **тверики*,
 Муром – *муромляне*, не **муромцы*,
 Нижний Тагил – *тагильчане*, не **нижнетагильцы*.

Местные жители расценивают формы под звездочкой как неуважение к городу, как высокомерие, даже как оскорбление. Особенно острые реплики у Интернет-дискутантов вызывают формы женского рода. Так, для наименования жительницы города Ярославля правильной формой будет *ярославна*, а не **ярославка*, что было бы логично при наличии формы мужского рода *ярославец*. Но форма **ярославка* для жительницы Ярославля невозможна, потому что *ярославка* – это название породы коров. Жительница г. Беломорска называется *беломорчанка*, а не **беломорка*, потому что *беломорка* это название сельди. Выбор указанных форм вызван стремлением избежать невыгодной омонимии (А х м е т о в а 2015, 32; 38).

Таким образом, на примере этой номинативной группы – катойконимов – хорошо видно взаимодействие языковых категорий **система** – **норма** – **узус**.

⁵ Московская исследовательница Мария Ахметова проводила непосредственный опрос (анкетирование) жителей разных городов и обработала огромный материал локальной прессы и Интернет-форумов (А х м е т о в а 2015; 2016).

Согласно Эухенио Косериу, впервые представившему их как триаду, система – это «система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути», из которых норма реализует лишь некоторые; узус отражает реальное употребление единиц языка (К о с е р и у 1963, 173–174). Подробнее об этом писала Наталья Васильева (В а с и л ь е в а 2020, 314–315). Система в данном случае предстает как система словообразовательных (суффиксальных) средств русского языка; норма – как выбор из этой системы, узус – как коррекции, которые вносит языковое употребление. «Правильные» формы из орфографических словарей получают статус «неправильных» в свете оппозиции «свой – чужой». В данном случае наблюдается даже двойное противопоставление: «малая родина» vs. чужой город или Москва (территориальный аспект) и «правильно» настроенные жители vs. «безграмотные», «забывшие свои корни» (А х м е т о в а 2015, 38). Конфликт, таким образом, может происходить уже в среде «своих»: «...городское сообщество разделяется на тех, кто соответствует гордому званию жителя города и поэтому достойных именоваться «правильным» катойконимом, и тех, кто настроен непатриотично, поэтому недостоин называться настоящим горожанином и заслуживает лишь употребления в его адрес «неправильного» названия. Имени, таким образом, приписывается содержание, а именно: информация об отношении именуемого к городу, о его «компетенции» как горожанина» (Ibid., 36).

Из рассмотренного материала можно сделать следующие **выводы**:

1. Освоение пространства происходит не только физически, но и ментально, а также эмоционально. Язык выступает единственно доступным средством для наблюдения и изучения процессов идентификации и самоидентификации в рамках региона (понимаемого широко и узко – как отдельный населенный пункт). Языковыми маркерами «своего» пространства выступают неофициальные топонимы.
2. Направление культурной (гуманитарной) географии, с одной стороны, может послужить «донором» для ономастики как лингвистической науки, поскольку предлагает рабочий инструментарий, который полезно применить в ономастических исследованиях (ср. понятие вернакулярного района). С другой стороны, и географический, и ономастический (особенно социо- и психоономастический) подходы несут в себе много общего. Общим является использование метода анкетирования, проводимого стратиграфически, т. е. с полным социальным портретированием респондентов. Общим также является понятие ментальной карты как отражения работы сознания.
3. Классификации неофициальных топонимов носят разнообразный характер, что связано с использованием исследователями различных оснований для классификации. По-видимому, не стоит стремиться к созданию единой унифицированной классификации, поскольку разные исследова-

- ния ставят перед собой разные цели, и классификации отвечают этим целям и собранному материалу.
4. Оппозиция «свой – чужой» играет важную роль в интерпретации неофициальных топонимов. Неофициальное имя места «прочитывается» через эту оппозицию: знание и употребление подобных имен является критерием для установления региональной идентичности. Оппозиция «свой – чужой» является релевантной для дериватов от официальных топонимов – форм названий жителей населенных пунктов. Обнаруженное исследователями активное неприятие жителями «неправильной», на их взгляд, суффиксальной формы катойконима свидетельствует о процессах, протекающих в языковом сознании, которые еще предстоит изучить.
 5. И самое последнее. Неофициальные топонимы имеют свои жизненные циклы: они возникают и исчезают вместе с объектами, заменяются другими именами. Поэтому важно фиксировать такие названия в специальных словарях – не только как маркеры региональной идентичности, но и как малые «памятники» эпохе.

Библиография

- A i n i a l a 2010 – Terhi Ainiala, “Use of slang toponyms in Helsinki”, Nicolas Pepin, Elwys De Stefani (Hg.), *Eigennamen in der gesprochenen Sprache*, Tübingen: Francke, 110–125.
- S i e g f r i e d 2017 – Inga Siegfrid, „Inoffizielle Ortsnamen“, *Namenkundliche Informationen* 109/110, 538–547.
- V a s i l ’ e v a 2012 – Natalia Vasil’eva, „Portrait einer russischen Stadt im Spiegel von Institutionen“, *Die Stadt und ihre Namen*, 1, Dietlind Kremer und Dieter Kremer (Hg.), Leipzig: Leipziger Universitätsverlag GmbH, 271–284 [*Onomastica Lipsiensia*, Bd. 8].
- А х м е т о в а 2015 – Мария Ахметова, «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов)», *Шаги / Steps*, 1, 1, 19–39.
- А х м е т о в а 2016 – Мария Ахметова, «От А-аты до Ярска». *Словарь неофициальных названий населенных пунктов*. Москва: Форум.
- В а с и л ь е в а 2020 – Наталия Васильева, «Ономастика и норма: 40 лет спустя», *Onomastikas pētījumi II / Onomastic Investigations II*. Starptautiskās zinātniskās konferences “Onomastikas pētījumi” (Rīga, 2018. gada 10.–12. maijs) rakstu krājums / Proceedings of the International Scientific Conference “Onomastic Investigations” (Rīga, May 10-12, 2018). Editors: L. Balode, C. Zschieschang. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 312–326.
- В о д о в о з о в 2009 – Алексей Водовозов, “На Ногe у Головы”. [доступ к сайту: <https://uncle-doc.livejournal.com/175140.html>, см. 18.10.2020]
- Г о л и к о в а 2014 – Татьяна Голикова, «Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации», *Научный диалог*, 9 (33), 24–36.
- К а л у ц к о в 2013 – Владимир Калущков, «О типах районов в культурной географии», *Культурная и гуманитарная география*, 2, 1, 3–9.

- К о с е р и у 1963 – Эухени Косериу, «Синхрония, диахрония и история», *Новое в лингвистике*, 3, Москва: Прогресс, 143–343.
- К ю л ь м о я 2016 – Ирина Кюльмоя, «Свое» и «чужое» в языке и речи. От редактора», *Acta Slavica Estonica VIII*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: University of Tartu Press, 9–22.
- П а в л ю к 2017 – Семен Павлюк, «Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества», *Городские исследования и практики*, 2, 2, 33–42.
- Р а з у м о в, Г о р я е в 2019 – Роман Разумов, Сергей Горяев, «Урбанонимическая терминология: системы и проблемы», *Научный диалог*, 9, 131–145.
- С м и р н я г и н 2013 – Леонид Смирнягин, *Социально-экономическая география: понятия и термины*. Словарь-справочник, Смоленск: Ойкумена.
- С о к о л о в а 2013 – Ольга Соколова, *Русская неофициальная урбанонимия города Тарту*. Бакалаврская работа, Тарту: University of Tartu.

Natalija Vasiljeva

Miesto toponimai kaip „savo“ erdvės žymiklis kalboje

S a n t r a u k a

Pagrindinės sąvokos: *onomastika, urbanonimas, vernakuliarinis rajonas, neoficialieji toponimai.*

Straipsnyje tyrinėjami neoficialieji miesto toponimai kaip erdvės mentalinio įsisavinimo ir kaip regioninio identiškumo žymikliai. Siūloma multidisciplininė šių urbanonimų tyrimo prieiga, lingvistikos metodus derinanti su kultūrinės geografijos metodais ir kaip integruojantį parametrą naudojanti opoziciją „savas – svetimas“. Aptariama kultūrinės geografijos sąvoka *vernakuliarinis rajonas* ir jos vartojimo tikslingumas onomastiniuose tyrinėjimuose. Vernakuliariniai rajonai turi ne tik teritorinės, bet ir socialinės reikšmės ir siejasi su mentalinių žemėlapių sąvoka. Mentalinio žemėlapio identiškumas yra „savos“ bendruomenės sąlyga, o tikslingas toponimo vartojimas – testo „savas – svetimas“ kalbinis kriterijus.

Straipsnyje pateikiama apžvalga tyrimų, susijusių su neoficialiaisiais urbanonimais ir jų klasifikacijomis bei kategorizacijomis. Svarbus požymis, kuriuo remiantis miesto objektas įtvirtinamas mentaliniame žemėlapyje, yra jo gebėjimas būti orientyru kasdieniame miestiečių gyvenime. Tokie objektai gauna neoficialius pavadinimus, panašius į savotiškus slaptažodžius. Straipsnio autorė įtraukia neoficialaus toponimo žymėjimo požymį. Žymėjimas šiuo atveju suprantamas panašiai kaip stilistikoje – nominacijos išskyrimas panašių kategorijų eilėje. Prie žymėtų formų priskiriamos būtent tokios, kurios sukuria pasakymo alogizmą: plg. pasakymą, kuris tapo maskvietišku topografiniu memu: *ant Kojos prie Galvos* („на Норе у Головы“) – vieta vestibulyje metro stotyje „Kitaj-gorod“, kuri iki

1990 m. vadinosi „Nogino aikštė“, šalia revoliucionieriaus Viktoro Nogino galvos pavidalo skulptūros.

Opozicijos „savas – svetimas“ požiūriu analizuojama dar viena pavadinimų, susijusių su toponimais, klasė. Tai katoikonimai – vietovių gyventojų pavadinimai. Rusų kalbos žodžių darybos požiūriu vienodai galimi keletas priesagos derivatų, plg.: *Смоленск – смоленцы, смоляне, смоляки*. Tokių formų aktualaus vartojimo apžvalga regioninėje spaudoje, bloguose ir forumuose išryškina miesto gyventojų polinkį vartoti tik vieną „teisingą“ formą (čia: *смоляне*) ir aktyvų jų priešinimąsi jiems nepriimtinioms („neteisingoms“) katoikonimų formoms, ypač kai juos vartoja „svetimi“ miestiečiams žmonės (žurnalistai, politikai ir pan.).

Apibendrinant galima pasakyti, kad erdvės įsisavinimas vyksta ne tik fiziškai, bet ir mentaliai bei emociškai. Kalbiniais „savo“ erdvės žymikliais būna neoficialieji toponimai. Tyrinėjant neoficialią toponimiją puikiai tinka multidisciplininė prieiga, integruojanti onomastikos, kultūrinės antropologijos ir kultūrinės geografijos pasiekimus bei grįsta opozicija „savas – svetimas“. Vietovės neoficialus pavadinimas yra įžvelgiamas per šią opoziciją: panašių pavadinimų žinojimas ir vartojimas yra regioninio identiškumo nustatymo kriterijus. Pabaigoje pabrėžiama, kad neoficialieji toponimai turi savo gyvybinius ciklus, todėl jų leksikografinis fiksavimas labai svarbus ne tik onomastikai, bet ir apskritai urbanistikai bei regionų studijoms.

Natalia Vasiljeva

Urban Toponyms as Linguistic Markers of “Owning” the Space

S u m m a r y

Keywords: *onomastics, urban toponym, vernacular region, unofficial toponyms.*

The article examines unofficial urban toponyms as markers of mental development of space and as markers of regional identity. A multidisciplinary approach to unofficial urban toponyms is suggested that combines the methods of linguistics with the methods of cultural geography on the basis of the “own-alien” opposition as an integrating parameter. The concept of vernacular region used in cultural geography and expediency of its application for onomastic studies is discussed. Vernacular regions are loaded with not only territorial, but also social and emotional sense and relate to mental maps. The identity of mental map is a sine qua non of the “own” community, and the correct use of a toponym is a language criterion for passing the “own-alien” test. Also, the article provides a comprehensive overview of the studies concerning the notion of unofficial urbanonyms and approaches to their classification and categorization. An important feature implying that an urban object is fixed on the mental map of a local community is its ability to be a reference point in everyday city life and communication. Such objects are given unofficial names, the use of which in conversation is similar to using a code word. The author introduces a parameter of toponym markedness, which is understood similar to how it is interpreted in stylistics, namely: the

unit standing out against similar ones. Marked forms include, in particular, those that cause an alogism of the utterance, cf. the expression that has become a Moscow topographical meme: на Ноге у Головы ‘on the foot by the head’, which means the place in the lobby of the metro station *Китай-город*, which until 1990 was called *Площадь Ногина*, near the sculpture in the form of a head of revolutionary activist Viktor Ngin. In the final part of the article, another class of names associated with toponyms is considered from the point of view of the “own-alien” opposition. These are katoikonoms – names of residents of a certain locality. According to the principles of substantive word formation in Russian, it is possible to produce derivatives with various suffixes, cf. *Смоленск – смоленцы, смоляне, смоляки*. In practice, the current use of these forms in the regional press, blogs and forums demonstrates that the city residents not only select the only one “correct” form (in this case *смоляне*), but also actively reject “incorrect” forms of the katoikonom, especially from “strangers” to the local people (journalists, politicians). The main conclusions of the article include the following. Space exploration takes place not only physically, but also mentally and emotionally. Unofficial toponyms serve as language markers of “owning” the space. In the study of unofficial toponymy, a multidisciplinary approach that integrates the achievements of onomastics, cultural anthropology, and cultural geography that is based on the “own-alien” opposition seems to be efficient. The unofficial name of a place is interpreted through this opposition: the knowledge and use of such names offer a criterion for establishing regional identity. In conclusion, it is emphasized that unofficial toponyms have their own life cycles, so their lexicographic fixation is very important not only for toponomastics, but also for urban and regional studies.

Н а т а л и я В А С И Л Ь Е В А

Институт языкознания Российской Академии наук

Большой Кисловский пер. д.1, стр. 1

125009 Москва

Россия

[vasileva-natalia@yandex.ru]

Straipsnis gautas 2020 m. lapkričio 5 d., priimta 2020 m. lapkričio 20 d.

Received 5 November 2020, accepted 20 November 2020.